

УДК 353.2:343.847(571.53)(001)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.99>

Всеподданнейшие отчеты иркутских генерал-губернаторов конца XIX – начала XX в. как источник изучения сибирской политической ссылки

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

С. Л. Курас

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

Аннотация. Исследуются всеподданнейшие отчеты иркутских генерал-губернаторов конца XIX – начала XX в. в качестве источника для изучения сибирской политической ссылки. Авторы приходят к выводу, что годовой отчет – важный официальный документ, передающий в целом объективно реальное состояние и перспективы дальнейшего развития этого института наказания. Вместе с тем, как и всякий источник, данный требует всестороннего анализа и критического сравнения. Рассмотрена также и отечественная историография вопроса.

Ключевые слова: генерал-губернаторы, Иркутск конца XIX – начала XX в., годовой отчет, исторический источник.

Для цитирования: Иванов А. А., Курас С. Л. Всеподданнейшие отчеты иркутских генерал-губернаторов конца XIX – начала XX в. как источник изучения сибирской политической ссылки // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 27. С. 99–113. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.99>

Годовые отчеты иркутских¹ генерал-губернаторов – важный и оригинальный источник по истории уголовной и политической ссылки конца XIX – начала XX в. Являясь плодом коллективного творчества, и в первую очередь самого генерал-губернатора, отчеты состояли из целого ряда разделов, посвященных развитию промышленности и сельского хозяйства, полезным ископаемым, народному здравью, национальному и конфессиональному составу населения и т. д. Видное место среди этих рубрик занимала уголовная и политическая ссылка. Это, на наш взгляд, не случайно: уголов-

¹ «Иркутские генерал-губернаторы» – наименование, конечно же, условное, обобщенное. На самом деле Н. Н. Муравьев, М. С. Корсаков, Н. П. Синельников, П. А. Фредерикс, Д. Г. Анучин и А. П. Игнатьев назывались генерал-губернаторами Восточной Сибири; затем опять же А. П. Игнатьев и А. Д. Горемыкин – иркутскими генерал-губернаторами; далее А. Д. Горемыкин, А. И. Пантелеев, П. И. Кутайсов, А. Н. Селиванов, Л. М. Князев и А. И. Пильц – военными (*Авт.*).

ная (штрафная) колонизация была важнейшей составляющей первоначального заселения Прибайкалья, ведь уже среди первых казаков, обживавших Иркутский острог в 1660-х гг., были свои «опальные люди», сосланные сюда за различные «вины». История Иркутской губернии XIX в. также прочно связана с политической ссылкой. А. Н. Радищев и декабристы, петрашевцы и поляки, народники, социалисты-революционеры и социал-демократы – все они обогатили духовную жизнь иркутян, оказали заметное влияние на местное общество, способствовали росту его самосознания, гражданственности и политической культуры.

Историография вопроса. Настоящая тема уже получила частичное отражение в современной отечественной исторической науке. Годовые всеподданнейшие отчеты изучались (и использовались), как полагаем, с нескольких сторон: специалистами сибирской историографии и источниковедения, историками имперской (окраинной) политики государства, а также исследователями, изучающими особенности пенитенциарной и карательной политики России в Сибирском регионе в обозначенный период.

Б. Г. Литвак (1919–2002), признанный специалист в области источниковедения отечественной истории XIX в., прежде всего изучил историю появления и эволюцию этого массового источника. Автор считал, что годовой отчет представляет собой целую «систему», формуляр которой складывался и развивался постепенно, в течение всего XIX в. При этом первоначально годовые отчеты у генерал-губернаторов запрашивало Министерство внутренних дел для чисто утилитарной собственной надобности – такая «информация с мест» должна была служить основой для собственных отчетов императору. С этой целью МВД составило и перечень обязательных тем, однако форма отчета была все-таки «очень обща, неконкретизированна, расплывчата» [6, с. 142].

Со временем структура отчета была строго унифицирована, документ потерял свою индивидуальность, стал, как указывает Б. Г. Литвак, «заклишированным» набором сведений, а его главным достоинством признавалась лишь «своевременность». Автор даже приводит исторический анекдот, рассказывающий о том, как в 1841 г. один из губернаторов, задержавший своевременное предоставление отчета, получил высочайший строгий выговор, за его счет был послан фельдъегерь из Петербурга, доставивший в течение восьми дней искомый отчет в столицу. В назидание остальным генерал-губернаторам МВД даже разослало об этом инциденте соответствующий циркуляр [6, с. 146].

Со смертью Николая I формуляр годового всеподданнейшего отчета вновь претерпел изменения. Потерянная индивидуальность была возвращена, но главное – отчет все более и более становился непосредственным «донесением» генерал-губернатора не МВД, а государю-императору о благосостоянии и нуждах края. В документе появились хорошо проработанные предложения начальников краев по самым насущным вопросам социально-экономического развития региона, в том числе и по проблемам уголовной и

политической ссылки – там, где она имелась. Именно в таком виде данные отчеты дошли до поворотного 1917 г.

Б. Г. Литвак изучал всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов средней полосы России. Отображение социальной истории в «донесениях» наместников сибирских территорий рассмотрено иркутскими исследователями А. С. Маджаровым и Е. Л. Пономаревой, которые совершенно справедливо отметили отличия «своих» формуляров – в них много места уделено проблемам освоения новых земель – Дальнего Востока, Курил, Сахалина. Продвижение на восток невозможно было без решения социальных задач: создания сети общеобразовательных и медицинских учреждений, повышения агрокультуры земледелия, строительства производственной базы – вот важнейшие темы отчетов [7, с. 9–12].

Авторы определяют и методику составления данных документов: сначала готовился «черновой вариант», затем его правил сам генерал-губернатор, о чем свидетельствуют пометки, сделанные на полях документов. Генерал-губернатор мог по-новому закомпоновать текст, наиболее важные моменты перенести в начало, «подчас вместо вычеркнутого раздела давал свой вариант». После этого документ по указанию генерал-губернатора переписывался набело. Авторы подчеркивают и интересную особенность документа: «отчет мог выходить за рамки формуляра». Подтвердим это наблюдение и собственным примером: наряду с анализом «ссылочной темы» в «обычных» годовых отчетах нами в фондах ГАИО обнаружен всеподданнейший доклад генерал-губернатора П. И. Кутайсова, посвященный исключительно положению административной ссылки за политические преступления².

А. С. Маджаров и Е. Л. Пономарева выявили и еще одну, на наш взгляд, немаловажную, особенность отчетов: если социально-экономическим вопросам развития губернии здесь уделялось достаточно много внимания, то «духовная жизнь общества практически не рассматривалась». Почему, спрашивается. Да все объяснимо, совершенно справедливо определяют авторы, ведь отчеты пусть и являлись «частью реальности», но составлялись «с высоты птичьего полета формальной организации губернаторской власти», а «раскрытие действительного значения губернаторских отчетов как исторического источника предполагает их включение в контекст «всей истории» указанного времени и региона». Согласимся с этим интересным суждением, добавив только, что ко «всей истории», и в первую очередь социальной, заявленной в заглавии статьи, относится, безусловно, и политическая ссылка, о которой авторы, к сожалению, лишь упоминают вскользь [7, с. 16].

Всеподданнейшие годовые отчеты иркутских генерал-губернаторов исследовались и в трудах специалистов, изучающих институт высшей сибирской администрации. Так, Л. М. Дамешек и И. Л. Дамешек используют данные «донесения» во многих своих работах, отмечая их значительную научную ценность, подчеркивая, что в распоряжении современного исследователя не так много подобных источников по истории Восточной Сибири пер-

² ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 157. Л. 22–27.

вой половины XIX в. При этом авторы дополняют Б. Г. Литвака, обращая внимание на то, что базой для ежегодного «рапорта» служили не только инструкции МВД, но и Общая инструкция генерал-губернаторам, разработанная в 1853 г. по требованию Николая I, определившая обязанности представителей высшей власти на местах, «их взаимоотношения с центральными ведомствами (в первую очередь с министерствами)» с одной стороны и с сибирскими губернаторами – с другой [2, с. 209].

Л. М. Дамешек и И. Л. Дамешек детально анализируют и обязанности сибирских генерал-губернаторов, подчеркивая, что первейшая среди таких – руководство уголовной и политической ссылкой: учет и размещение арестантов, содержание в тюремных замках, полицейский надзор, урегулирование жалоб и спорных вопросов. Авторы акцентируют внимание на том, что одной из важных функций сибирского губернатора (с точки зрения политической благонадежности) была «перлюстрация писем всех без исключения преступников, находящихся в губернии» – корреспонденция для «политиков» в обязательном порядке попадала «к местным гражданским губернаторам, а от них, если требовалось, в III отделение собственной Его Величества канцелярии» [2, с. 375–376].

Н. П. Матханова, исследуя особенности социальной стратификации высшей администрации Восточной Сибири, основывает свои выводы на самом разноплановом документальном материале, при этом также выделяет отчеты генерал-губернаторов. По мнению исследователя, «отчеты, а еще в большей мере всеподданнейшие рапорты и записки содержат богатейшую информацию», характеризующую всесторонне деятельность администрации. «Правда, – тонко замечает автор, – возникает важный вопрос источниковедческого характера: кто именно являлся автором подписывавшихся начальником документов» [8, с. 11–12].

Э. Ш. Хазиахметов наличие в отчетах сибирских губернаторов разделов, освещающих положение политической ссылки, считает одной из отличительных особенностей этого вида массовых источников. Анализируя небольшую часть отчетов за 1907–1917 гг., автор подчеркивает их значение в определении общей численности политических ссыльных «в отдельных губерниях и областях». При этом историк довольно критически относится «к общему духу» этих документов, обращая внимание на их известную идеологизированность и указывая, что нередко генерал-губернаторы намеренно преувеличивали «растлевающее влияние ссыльных», стремясь вообще отменить ссылку «политиков» или ограничить ее какой-то одной, отдельно взятой удаленной территорией. Соглашаясь, безусловно, с этим наблюдением, отметим лишь, что небольшая статья Э. Ш. Хазиахметова носит в основном постановочный характер и посвящена самой политической ссылке. К тому же ее хронологические рамки совпадают лишь незначительно с рамками нашего исследования [10].

Несмотря на постоянное обращение историков к материалам всеподданнейших годовых отчетов иркутских генерал-губернаторов об управлении краем, проведенный нами краткий (как то продиктовано рамками статьи)

историографический анализ свидетельствует о слабой изученности этих документов в качестве источника по истории сибирской политической ссылки конца XIX – начала XX в., что делает эту тему, с одной стороны, безусловно, актуальной и перспективной для изучения, с другой – объясняет выбор предмета нашего исследования.

Всепоодданнейшие отчеты как источник фактических сведений о политической ссылке. Прежде всего, годовые отчеты генерал-губернаторов об управлении губернией являются ценным источником для определения количественных показателей политической ссылки второй половины XIX – начала XX в. При этом следует иметь в виду, что установление числа находящихся в регионе «политиков» – задача далеко не простая: в статистике Тобольской и Иркутской экспедиций очень часто нет разделения на политических и уголовных, многие отчеты сгорели в иркутских пожарах 1879 г., а те, что дошли до нас, страдают неполнотой и противоречивостью. Добавляют трудностей и ссылные поляки – участники освободительного восстания 1863 г.: их внушительное количество (около 4 тыс.) нередко приписывается к общему, весьма незначительному, числу российских политических ссыльных (несколько десятков), сюда же плюсятся уголовные, и картина становится просто фантастической – 200–300 тыс. Вот где настоящее «лукавство цифр».

На таком фоне количественные показатели политической ссылки в отчетах иркутских генерал-губернаторов выглядят действительно наиболее объективными и правдоподобными. Однако здесь следует отметить одну особенность: в отчетах 1860–1870-х гг., когда политссыльные поступали в Восточную Сибирь единицами, сведений о революционерах практически нет, и только с 1880-х гг., после введения Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г., в этих документах появляются целые блоки, посвященные «политикам».

Так, из отчета генерал-лейтенанта Д. Г. Анучина за 1882 г. следует, что на 1 января в Иркутской губернии и Забайкальской области находилось всего 430 политических, а именно: сосланных по суду на каторгу – 123 чел., на поселение – 49, житье – 41, административно на жительство – 217. Это вполне реальные цифры. Вызывает сомнение только категория сосланных на житье – здесь могут быть не только «политики», сюда нередко попадали привилегированные уголовные, наказанные за мошенничество³.

Значительное место политическим ссыльным отведено во всепоодданнейшем отчете иркутского генерал-губернатора генерала от инфантерии П. И. Кутайсова за 1903 г. «...В последнее время, – говорится в документе, – высылка под гласный надзор полиции во вверенный мне край все увеличивается, и теперь водворено в пределах: Иркутской губернии 414 человек, Енисейской – 376 и Якутской области – 242, так что всего находится до 1032, но кроме того необходимо иметь в виду, что каждая почта приносит известие о новых высылках, так что число поднадзорных в Крае заметно

³ Всепоодданнейший отчет генерал-губернатора за время с 1879 по 1882 г. // Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибири. Иркутск, 1884. Т. 1, вып. 1. С. 117.

увеличивается»⁴. Тайный советник егермейстер Л. М. Князев в отчете за 1910–1911 гг. также указывает на значительный рост числа «сосланных за политические преступления» и дает следующие цифры: «на 1 января 1911 г. в Иркутской губернии – 1486, в Енисейской – 1564» чел.⁵

Как видим, с начала 1880-х гг. общее число политических, ссылаемых в пределы Иркутского генерал-губернаторства, увеличилось в разы и продолжало расти. Приводя данные цифры, начальники края стремились выразить и свое отношение к этому явлению. Так, по мысли генерал-лейтенанта графа А. П. Игнатъева, прозвучавшей в отчете за 1887–1889 гг., для местного населения политссылка не представляла «тех неудобств и обременения, которыми так тяготится Сибирь по отношению к ссылке вообще». Ссылные этой категории, – полагал граф, – получая большей частью казенное пособие, «а также поддерживая друг друга», не вызывают расходов со стороны местного населения. Исключение составляют лишь водворенные в Якутской области, «из которых некоторые вынуждали якутов устраивать им отдельные жилища и кормить их»⁶.

Как считал А. П. Игнатъев, для сибирской администрации ссылка за государственные преступления «служит источником усиленных забот», так как «она до настоящего времени не вполне организована», несмотря на массу различных распоряжений и указаний высших учреждений. «Не могу умолчать пред Вашим Императорским Величеством, – писал генерал-лейтенант, – о том, что для меня, лично, самую тяжкою стороною в этом деле было сознание, что ссылка за государственные преступления, несмотря на все усилия и принимаемые меры, не достигает, при настоящем ее положении, тех основных целей, которые это наказание должно бы преследовать...»⁷

Несколько определеннее по поводу ссылки революционеров высказывался Д. Г. Анучин: «Ссылка и содержание в Сибири едва ли образумили кого-нибудь из них; вернее, что они сделались еще ожесточеннее. Высланные как приверженцы анархической партии, они не скрывают в местах ссылки своих убеждений и открыто высказывают превратные суждения. Следует сказать откровенно: правительство само и на собственный счет, путем ссылки, распространяет анархические учения в таких местах где, как в Восточной Сибири, ничего подобного не слышали и не знали»⁸.

П. И. Кутайсов писал еще резче: «...самое важное – это растлевающее влияние поднадзорных на местное население», которое вообще встречает «политиков» «довольно радушно, оказывает им всякую поддержку и весьма склонно к восприятию идей, послуживших причиной высылки этих лиц». По мнению генерала, результатом ссылки является «та усиленная противоправительственная пропаганда, которой раньше в Сибири не было и которая впервые обнаружилась здесь со второй половины 1880-х гг. и с тех пор с

⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 157. Л. 22.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 1912. Д. 24. Л. 21.

⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 563. Л. 35 об.

⁷ Там же.

⁸ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора ... С. 119.

каждым годом все более и более проявляет свое существование». «Можно с уверенностью сказать, – заключал Кутайсов, – что если высылка сюда будет продолжаться, то скоро придется считаться с вопросом, куда девать своих собственных местных пропагандистов, так что если не теперь, то в не далеком будущем все же появится вопрос, что делать с политическими преступниками»⁹.

О «пагубном» воздействии представителей послереволюционной ссылки писал в отчете за 1906–1907 гг. А. Н. Селиванов. По его мысли, «Всемиловейший указ от 21 октября 1905 г.» освободил Сибирь от административно-ссылных, все высланные в административном порядке за государственные преступления в пределы генерал-губернаторства выбыли из мест водворения. Однако «революционная смута, охватившая всю Россию», вынудила правительство вновь прибегнуть к чрезвычайным мерам, и уже с 1906 г. началась высылка по постановлениям Совецания, образованного согласно ст. 34 Положения о государственной охране, и прежде всего в Иркутское генерал-губернаторство. При этом А. Н. Селиванов, так же как и его коллеги, считает, что ранее высылка в Сибирь за государственные преступления не вызывала серьезных опасений, ведь «малокультурное зажиточное коренное население не было склонно к восприятию революционных идей». Но с проведением Великого Сибирского пути ситуация стала иной: «В пределы генерал-губернаторства стали стекаться мастеровые рабочие и десятки тысяч переселенцев, которые под влиянием административно-ссылных начали заражаться противоправительственными идеями». При этом главным объектом своей пропаганды, по мнению генерала, «ссылные избрали железнодорожных рабочих, учащуюся молодежь, а также и крестьян»¹⁰.

Некоторые особенности источников годовых отчетов. Основными источниками для составления разделов «Ссылка», «Тюрьма и ссылка», «Полиция» отчетов служили, на наш взгляд, следующие материалы: протоколы заседаний и делопроизводственная переписка Главного управления Восточной Сибири, данные губернаторских служебных записок, ежемесячные рапорты окружных (становых) приставов, периодическая информация о деятельности Иркутской экспедиции о ссылных, материалы Иркутского губернского статистического бюро, донесения смотрителей Александровской центральной каторжной тюрьмы и Иркутского тюремного замка, аналитические записки Иркутского губернского жандармского управления, докладные специальных чиновников при генерал-губернаторе.

Один только перечень источников, приведенный нами выше, свидетельствует о главном недостатке сибирской политической ссылки – отсутствии единого централизованного органа по руководству этим наказанием. И действительно, на территории Иркутской губернии за организацию приема, размещения, надзора за перемещением и поведением «политиков» отвечало как минимум три ведомства, относящихся формально к одному Министерству внутренних дел: экспедиция о ссылных, созданная в составе Иркутского губернского правления (губернская тюремная инспекция с 1895 г.);

⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 157. Л. 22 об. – 23.

¹⁰ Там же. Л. 19, 20.

чиновники общей полиции, объединенные структурно в полицейские округа; сотрудники губернского жандармского управления. В работе с политическими ссыльными данные службы имели свои приоритеты: экспедиция ведала в большей степени организацией учета и размещением, полиция – гласным надзором на местах причисления, жандармерия осуществляла явное или секретное наблюдение, а при необходимости брала на себя руководство работой обычной полиции. При этом генерал-губернатор, как главный администратор края, нес личную ответственность за состояние и организацию ссылки.

На практике такое многоначалие исключало взаимопонимание и товарищескую поддержку, неизбежно создавало внутриведомственную неразбериху, ненужное соперничество различных структур и как результат – предопределяло неэффективное управление «ссылным делом».

Малочисленность чиновников тюремного ведомства, полиции и жандармерии, «обременение» их многими другими побочными обязанностями зачастую приводило к несвоевременной подаче сведений о числе и размещении ссыльных, что сказывалось и на годовых отчетах генерал-губернаторов [3]. В качестве примера, иллюстрирующего наш тезис, приведем здесь письмо иркутского уездного исправника приставу 4-го стана от 5 декабря 1901 г., в котором он выговаривал подчиненному: «4 сентября с. г. мною была послана форма сведения о лицах, состоящих под негласным надзором полиции и вместе с тем было поручено доставлять по преподанной форме ежемесячно, не позже первого числа каждого месяца сведения о поднадзорных непременно отдельно на каждого; между тем сведения эти не доставлены ни к 1 октября, ни к 1 ноября сего года, а потому я вновь предписываю вашему Высокоблагородию о неуклонном и точном исполнении вышеозначенного моего предписания, и предупреждая, что при допущении вновь подобной неисполнительности, я вынужден буду о таковой медленности и вообще нерадивом отношении к моим поручениям докладывать господину Начальнику губернии»¹¹.

«Человеческий фактор» присутствовал и в самой ссылке, в ее «текущем» состоянии – многие «политики», как правило, неоднократно меняли места поселений: некоторые долгое время проводили в городе, находясь «на излечении», другие брали «отпускные билеты» и занимались на горнодобывающих предприятиях, на строительство городских зданий и дорог. В качестве примера постоянного движения ссыльных рассмотрим статейный список политссыльного Н. М. Владимирова. Из документа следует, что Владимиров «за пособничество лондонским пропагандистам» был лишен всех прав состояния и в 1865 г. сослан в Сибирь «навсегда», причислен к Анциферовской волости Енисейского округа, но по прошению, утвержденному распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири от 5 ноября 1865 г., отправлен на поселение в Иркутскую губернию. Прибыв в Иркутск 26 декабря 1865 г., 22 января 1866 г. отправлен в Оёкскую волость; затем уже 20 мая 1866 г. переведен в Илгинскую волость, потом 3 апреля 1871 г. перечислен в Уриковскую, где ему на основании высочайшего повеления от 13 мая

¹¹ ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1151. Л. 210.

1871 г. были возвращены права прежнего состояния. Затем Н. М. Владимиров «пребывал» в Иркутске, а в августе 1876 г., освобожденный из-под гласного надзора полиции, выехал в г. Екатеринбург¹². Приведенный пример является скорее типичным, чем исключительным.

При внимательном анализе отчетов возникают некоторые сомнения не только по конкретным цифрам и географии размещения. Заслуживают осторожного отношения и часть положений, например, о всеобщем революционном воздействии «политики» на местных жителей. Таким ли повсеместно «развращающим» оно было? Наверное, нет. Все-таки надо иметь в виду, что ссыльные пропагандировали среди рабочих, служилой интеллигенции, студенчества. В «чуждой им среде» зажиточного сибирского крестьянина их пропаганда не имела успеха. Вот, к примеру, строки из ведомственной записки о деятельности чинов Иркутского ГЖУ по «наблюдательной части» за 1904 г.: «Настроение умов населения вверенного моему наблюдению района (Киренского. – *Авт.*) не внушает сомнения в политической неблагонадежности. Присутствие в наиболее населенных пунктах значительного контингента политических ссыльных не оказывает на массу вредного влияния. В большинстве случаев поднадзорные держатся особняком среди жителей и не выказывают заметного желания сблизиться с населением. Зарегистрированы единичные случаи знакомства с сельскими интеллигентами в лице народных учителей, волостных писарей и т. п. Вообще же население относится с нескрываемой неприязнью (к политическим ссыльным. – *Авт.*), в особенности за последнее время, когда, в виду частого прохождения партий, разгон лошадей сильно увеличился и зачастую приходилось давать под арестантские вещи по две-три подводы без уплаты прогонов...»¹³

Деятельно участвуя в составлении всеподданнейших годовых отчетов об управлении краем, иркутские генерал-губернаторы были, казалось бы, бескомпромиссно настроены против политической ссылки, подчеркивая ее «развращающий» характер. На самом деле «в жизни» их позиция в отношении «невольных гостей Сибири» была не столь однозначно негативной. Будучи не только главой высшей администрации, поставленный осуществлять высшую политическую и государственную власть в огромном крае, сибирский, в том числе и иркутский, генерал-губернатор возглавлял еще и местное общество [2, с. 254].

Хорошо известно, что лучшая часть сибирской торгово-промышленной и служилой интеллигенции, пожалуй со времен декабристов, достаточно критически относилась к проявлениям колониальной политики центра, требовала уважения интересов окраины, выступала за равенство экономических и социальных возможностей, за открытие в Иркутске университета, отмену уголовной ссылки. И губернатор, естественным образом находясь во главе этого общества, просто вынужден был разделять его настроения.

Об этом интересном явлении хорошо написал И. И. Попов, «при котором в Иркутске сменилось четыре генерал-губернатора» – А. Д. Горемыкин, А. И. Пантелеев, П. И. Кутайсов, К. М. Алексеев (последний, впрочем, за-

¹² ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 44. Л. 14–15.

¹³ ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 24. Л. 33.

нимал должность незначительный срок). Каждый поначалу «всюду видел сепаратистов и был неукоснительным проводником централистических идей», но постепенно «обламывался и обсибирячивался», начинал жить «сибирскими интересами». К «политикам» новые начальники края испытывали «настороженность» и даже «враждебность», пытаясь обнаружить источник революционной оппозиции. Но затем, видя огромную работу, производимую «на благо края», меняли свои негативные представления и начинали «снисходить» и даже «благоволить» к «невольным гостям» [9, с. 113].

К примеру, генерал-губернатор А. Д. Горемыкин, как вспоминал С. Ковалик, относился весьма благосклонно к Д. А. Клеменцу «и однажды за его работы в Географическом обществе подарил ему часы» [5, с. 169]. По свидетельству И. И. Попова, тот же Горемыкин неоднократно публично признавал ведущую роль ссыльных в работе ВСОРГО, выделяя при этом особо Е. К. Брешко-Брешковскую, М. А. Натансона, В. Серошевского. Он, – пишет автор, – вообще «любил полиберальничать и щегольнуть своей терпимостью» и «иногда разрешал ссыльному из деревни переехать в Иркутск», при нем число «политиков» «значительно увеличилось и возросло раза в три-четыре» [9, с. 58, 113–115].

Сменивший Горемыкина А. И. Пантелеев, командовавший до этого назначения отдельным корпусом жандармов, быстро сошелся с иркутским обществом и «стал к нему несравнимо ближе, чем Горемыкин». При этом он никогда «не препятствовал» «Восточному обозрению», а ссыльная колония при нем «увеличилась значительно». Следующий генерал-губернатор П. И. Кутайсов (1903–1905) начал свое правление с «закручивания гаек» в отношении ссыльных, однако это в большей степени относилось к якутянам, требовавшим в 1903 г., по нашему мнению, слишком больших и незаслуженных привилегий. В конце концов «положение ссыльных при нем стало не хуже, чем при его предшественнике, и во многих отношениях Кутайсов оказался покладистее, чем Пантелеев...» [9, с. 63, 65, 66].

Такое отношение к политическим ссыльным было свойственно не только генерал-губернаторам конца XIX – начала XX в. Их «старшие коллеги» также испытывали к «узникам тюрьмы без решеток» большую лояльность. Вот, к примеру, как относился Н. Н. Муравьев-Амурский к первым дворянским революционерам (в передаче И. Барсукова): «Он убежден, что так называемые декабристы, искупив заблуждения своей юности тяжелой карою, принадлежат к числу лучших подданных русского царя; что никакое наказание не должно быть пожизненным, так как цель наказания есть исправление, а это вполне достигнуто по отношению к декабристам, и что нет основания оставлять их изверженными навсегда из общества, в составе которого они имеют право числиться по своему образованию, нравственным качествам и теперешним политическим убеждениям» [1, с. 188].

В чем причина такого безгранично лояльного отношения к ссыльным? Видимо, в дворянском происхождении большинства осужденных революционеров-народников, в сословной солидарности, которую невольно (или вольно) испытывали иркутские власти к близким по происхождению и социальному положению до ссылки государственным преступникам. Немалую

роль при этом играло и известное совпадение взглядов местной администрации и ссыльных по целому ряду принципиальных вопросов социально-экономического и политического развития Сибири, главнейшими из которых надо считать отмену уголовной ссылки, введение суда присяжных, земских институтов, развитие образования.

В свою очередь, и политическая ссылка, как это ни странно может выглядеть на первый взгляд, также испытывала к администрации города и губернии лояльное отношение. «Старая», народническая ссылка Иркутска конца XIX в., сохраняя в массе своей политические убеждения 70-х гг. и стремление к «освобождению народа», все же заметно подрастеряла свой революционный пыл. Продолжая оставаться в активной оппозиции к самодержавному государству и в первую очередь собственно к императору, она все-таки не видела в иркутских генерал-губернаторах «царских сатрапов».

Как видим, несмотря на то что всеподданнейший отчет генерал-губернатора соответствовал заданному, пусть меняющемуся со временем формуляру и имел все черты официального делопроизводственного источника, его содержание зависело от большого количества конкретных людей – от полицейского пристава до самого начальника края, привносивших в него свои индивидуальные знания и политические убеждения. При этом достоверность фактического материала документа была достаточно высокой, хотя и здесь отчет испытывал влияние сложившихся ранее недостатков государственной пенитенциарной политики и практики в Сибири.

Проекты преобразований политической ссылки. Существенное место в отчетах иркутских генерал-губернаторов уделено проектам кардинального решения «ссылного вопроса» на вверенной им территории. При этом, определяя политическую ссылку как безусловный вред населению Сибири, начальники края все-таки по-разному предлагали решить этот назревший вопрос.

А. П. Игнатъев полагал, что нет оснований устранять ссылку «из лестницы наказаний», но следовало бы ее ограничить, определив норму, «до которой признается возможным доводить число поднадзорных в каждой губернии». Чтобы разрядить арестантский поток, граф предлагал ввести тюремное заключение на некоторое время для отдельных категорий революционеров, других же – отправлять в Сибирь, усилив надзор «учреждением должностей особых инспекторов для каждой губернии, и увеличением числа надзирателей (расчитывая, примерно, по 5 поднадзорных на 1 надзирателя)»¹⁴.

Игнатъев был категорически против сосредоточения политических ссыльных в одном, пусть и удаленном, месте Восточной Сибири, объясняя это тем, что подобная мера послужила бы только к развитию, с одной стороны, «большей солидарности и к поддержанию противоположественного направления, с другой», а по свойственной ссыльным этого рода «нервной раздражительности» привела бы к «противодействию надзору» и к столкновениям с властями. Впрочем, предусмотрительно акцентировал генерал, «основательная разработка вопроса о лучшей системе обезврежения

¹⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 563. Л. 37.

русского общества от яда социально-революционных учений может быть исполнена лишь в Петербурге»¹⁵.

Противоположный план имелся у П. И. Кутайсова, предлагавшего отменить политическую ссылку вовсе, заменив ее «содержанием виновных в строго определенных местах тюремным или казарменным порядком». При этом такие места должны «наименее способствовать» к побегам (к примеру, «Обдорск, Туруханск и другие»). Сознавая, что такое решение вопроса потребует «детальной разработки, что связано с известной тратой времени», генерал первоначально предлагал обратить внимание на некоторые «нежелательные стороны» этого дела, и в первую очередь на недостаток в Иркутском губернском жандармском управлении унтер-офицеров – «всего на губернию 23 человека», что не дает возможности осуществить должный надзор за политическими ссыльными¹⁶.

Точку зрения П. И. Кутайсова разделял и А. Н. Селиванов. Генерал выражал готовность значительно расширить имевшиеся пенитенциарные учреждения в губернии, построив в Александровской центральной каторжной тюрьме отдельные здания для 300 одиночных камер и мастерских. При этом из отчета в отчет Кутайсов предлагал устроить специальную колонию для «политиков» на острове Ольхоне с одиночным корпусом на 200 человек «для наиболее тяжких преступников». Сибирь, «долженствующая быть с увеличением в ней путем переселения русского населения оплотом России против панмонгольского движения, требует заботливого охранения от вредного влияния ссыльных» – так «усиливал» свой проект начальник края¹⁷.

В 1910 г. на остров Ольхон по поручению генерал-губернатора был отправлен топографический отряд из четырех офицеров, подготовивших подробное обоснование этого проекта. Предлагалось устроить колонию в южной половине острова, на территории в 30 квадратных верст, с площадью огражденной застройки в 3–5 верст. Для колонии была выбрана равнинная местность, с близлежащими источниками воды и лесом, с песчаной почвой, месторождением известняка для строительных работ, а также двумя вершинами для устройства вышек. Одна вершина находилась «к юго-западу от улуса Бубей, а вторая – к югу от улуса Халгай» [4, с. 11].

По данным Э. Ш. Хазиахметова, этот проект был одобрен Николаем II, начертавшим на всеподданнейшем отчете генерала Селиванова: «Теперь же приступить к необходимым устройствам на о. Ольхон, совершенно освободив остальные местности Сибири от населения преступного элемента», однако осуществить строительство так и не удалось ввиду его дороговизны, хотя правительство обращалась к этой идее не раз (даже в годы Первой мировой войны), стремясь навсегда решить проблему как массовых побегов, так и вредного воздействия ссыльных революционеров на население Сибири [10, с. 44–45].

¹⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 563. Л. 37 об.

¹⁶ Там же. Д. 157. Л. 22 об. – 23.

¹⁷ Там же. Л. 6.

Итак, ограничение масштабов ссылки и при этом совершенствование надзора или прочная изоляция, островная колония – вот основные проекты иркутских генерал-губернаторов.

Однако самое радикальное «переустройство» сибирской политической ссылки, правда очень осторожно, предложил еще в 1882 г. Д. Г. Анучин: «Обстоятельства дела так сложны, – писал генерал, – что трудно на чем-нибудь остановиться и до сего времени ничего еще не решено. Собрание подобных лиц в одно место или в несколько пунктов, но более значительными группами, даст возможность устранить их разбросанность по стране и облегчит надзор, но с другой стороны, по ничтожности сибирских городов, едва ли не поведет к необходимости устройства для них помещений и введения дисциплины в «общежительстве», а это уже весьма близко к тюремному заключению, которое можно осуществить и без высылки подобных лиц в Сибирь». По существу Анучин предложил отменить сибирскую ссылку, заменив это наказание тюремным заключением по месту жительства преступника в Европейской России¹⁸.

Некоторые выводы. Таким образом, суммируя все вышесказанное, сделаем некоторые выводы. Различные фактические сведения о политссылных стали появляться во всеподданнейших годовых отчетах иркутских генерал-губернаторов только с начала 1880-х гг., что отразило количественный рост осужденных революционеров в крае, создание ими первых колоний в местах наибольшего сосредоточения.

Количественные показатели политической ссылки, размещенные в отчетах, – достаточно правдивая и объективная информация, на которую можно опираться в исследовании этого явления. Отчеты генерал-губернаторов содержат и общие оценки, говорят о постоянном стремлении высшей администрации ограничить масштабы и географию политической ссылки, изолировать ссылных в отдаленных колониях или отменить ссылку вовсе, заменив ее тюремным заключением по месту жительства преступника.

Достоверность настоящего источника не безусловна. Следует учитывать, что на полноту сведений влияли отсутствие единого руководящего органа управления ссылкой, несвоевременность предоставления низовой отчетности полицейскими чиновниками, недостаток кадров жандармерии и общей полиции, особенности географических и климатических условий края.

Несмотря на то что генерал-губернаторы в отчетах выражали категорическое неприятие политической ссылки в крае, подчеркивая ее «развращающее» воздействие, их личное отношение к ссылным было гораздо сложнее и определялось сословным единством, знакомствами и родственными связями. В целом же годовые всеподданнейшие отчеты иркутских генерал-губернаторов – важный исторический источник по изучению политической ссылки в Сибирь конца XIX – начала XX в., требующий всестороннего изучения и критического анализа, а также проверки другими видами массовых исторических источников.

¹⁸ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора ... С. 120.

Список литературы

1. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам И. Барсукова. М. : [б. и.], 1891. Кн. 1. 672 с.
2. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Избранное. Т. 2. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск : Оттиск, 2018. 416 с.
3. Иванов А. А. Иркутская губернская администрация и становление надзора за политическими ссылными в 1860–1870-х гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2016. Т. 15. С. 50–60.
4. К записке Иркутского генерал-губернатора об устройстве на острове Ольхоне колонии для ссыльно-каторжных и колонии для административно и по суду высланных в Сибирь на поселение за государственные преступления. Иркутск : [б. и.], 1910. 12 с.
5. Ковалик С. Революционеры-народники в каторге и ссылке // Каторга и ссылка. 1924. № 4. С. 137–172.
6. Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М. : Наука, 1979. 294 с.
7. Маджаров А. С., Пономарева Е. Л. Социальная история Сибири 50–80-х гг. XIX в. в материалах всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2015. Т. 14. С. 6–17.
8. Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2002. 255 с.
9. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 383 с.
10. Хазиахметов Э. Ш. Политическая ссылка в отчетах сибирских губернаторов (1906 – февраль 1917 г.) // Вопр. ист. Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 9. С. 39–45.

Vsepoddanneyshy Reports of the Irkutsk Governor Generals of the End of XIX – the Beginning of the 20th Century as a Source of Studying of the Siberian Political Exile

A. A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk

S. L. Kuras

Irkutsk State Transport University, Irkutsk

Abstract. In article Vsepoddanneyshy reports of the Irkutsk governor generals of the end of XIX – the beginning of the XX century as a source for studying of the Siberian political exile are investigated. Authors come to a conclusion that the annual report – the important official document transferring in general objectively real picture of a state and the prospect of further development of this institute of punishment. At the same time, as well as any source, this demands the comprehensive analysis and critical comparison. It is considered as well a domestic historiography of a question.

Keywords: governor generals, Irkutsk of the end XIX – the beginning of the XX century, the annual report, a historical source.

For citation: Ivanov A.A., Kuras S.L. Vsepoddanneyshy Reports of the Irkutsk Governor Generals of the End of XIX – the Beginning of the 20th Century as a Source of Studying of the Siberian Political Exile. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 27, pp. 99–113. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.99> (in Russian)

References

1. Graf N.N. *Muraviev-Amurskij po ego pismam, oficial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam I. Barsukova* [The count N.N. Muravyev-Amursky according to his letters, official documents, stories by contemporaries and printing sources of I. Barsukov]. Moscow, 1891, book 1, 672 p. (in Russian)
2. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Izbrannoe. Vol. 2: Sibir v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)* [Siberia in the system of imperial regionalism (1822–1917)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018, 416 p. (in Russian)
3. Ivanov A.A. Irkutskaya gubernskaya administraciya i stanovlenie nadzora za politicheskimi ssylnymi v 1860–1870-h gg. [The Irkutsk provincial administration and formation of supervision of political exiles in the 1860–1870th]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2016, vol. 15, pp. 50–60. (in Russian)
4. *K zapiske Irkutskogo general-gubernatora ob ustrojstve na ostrove Ol'hone kolonii dlya ssylno-katorzhnyh i kolonii dlya administrativno i po sudu vyslannyh v Sibir' na poselenie za gosudarstvennye prestupleniya* [To a note of the Irkutsk governor general about the device on the colony island of Olkhon for ssylno-unbearable and colonies for administratively and on court sent to Siberia on the settlement for high treasons]. Irkutsk, 1910, 12 p. (in Russian)
5. Kovalik S. Revolyucionery-narodniki v katorge i ssylke [Revolutionary populists in penal servitude and exile]. *Penal servitude and exile*, 1924, no 4, pp. 137–172. (in Russian)
6. Litvak B.G. *Ocherki istochnikovedeniya massovoj dokumentacii XIX – nachala XX v.* [Ocherki of a source study of mass documentation of XIX – the beginning of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 294 p. (in Russian)
7. Madzharov A.S., Ponomareva E.L. Social'naya istoriya Sibiri 50–80-h gg. XIX v. v materialah vsepoddannejshih otchetov general-gubernatorov [The social history of Siberia the 50–80th of the 19th century in materials of vsepoddannejshy reports of governor generals]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2015, vol. 14, pp. 6–17. (in Russian)
8. Mathanova N.P. *Vysshaya administraciya Vostochnoj Sibiri v seredine XIX v.: Problemy social'noj stratifikacii* [The Highest administration of Eastern Siberia in the middle of the 19th century: Problems of social stratification]. Novosibirsk, Siberian Chronograph Publ., 2002, 255 p. (in Russian)
9. Popov I.I. *Zabytye irkutskie stranicy: Zapiski redaktora*. [The forgotten Irkutsk pages: Editor's notes]. Irkutsk, East Siberian Book Publ., 1989, 383 p. (in Russian)
10. Hazi Ahmetov E.H. *Politicheskaya ssylka v otchetah sibirskih gubernatorov (1906 – fevral' 1917 g.)* [Political exile in reports of the Siberian governors (1906 – February, 1917)]. *Questions of history of Siberia*. Tomsk, Tomsk University Publ., 1976, is. 9, pp. 39–45. (in Russian)

Иванов Александр Александрович

доктор исторических наук, профессор
кафедра политологии, истории
и регионоведения

Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952) 24-38-75
e-mail: ottisk@irmail.ru

Ivanov Aleksander Aleksandrovich

Doctor of Sciences (History), Professor
Department of Political Science, History
and Regional Studies

Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
tel.: 8(3952) 24-38-75
e-mail: ottisk@irmail.ru

Курас Софья Леонидовна

кандидат исторических наук, доцент
кафедра таможенного дела и правоведения
Иркутский государственный университет
путей сообщения

Россия, 664074, г. Иркутск,
ул. Чернышевского, 15
тел.: 8(3952) 638-399
e-mail: kuras@list.ru

Kuras Sofia Leonidovna

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor
Customs Affairs and Jurisprudence
Irkutsk State Transport University
15, Chernyshevsky st., Irkutsk, 664074,
Russian Federation

tel.: 8(3952) 638-399
e-mail: kuras@list.ru